

М. Н. КЛИМОВА

Научная библиотека Томского государственного университета

АКАКИЙ БАШМАЧКИН, МАКАР ДЕВУШКИН и ДЬЯКОН АХИЛЛА О НЕКОТОРЫХ ИМЕНАХ ГЕРОЕВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Одним из популярных приемов использования агиографических материалов светскими авторами является введение житийных аллюзий в описание вымышленного персонажа. Важным источником при создании его художественного образа может стать имя, данное ему автором, особенно редкое или необычно звучащее. Искусно подобранное имя литературного героя дает возможность подчеркнуть его основные черты, намекнуть на скрытый духовный потенциал и внутренние противоречия описываемой личности, даже предсказать ожидающие его потрясения и метаморфозы. В ряду мастеров русской классической прозы XIX века как виртуозы литературной ономастики проявили себя Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский и Н. С. Лесков. Их искусство в этой области и некоторые индивидуальные приемы каждого автора показаны на конкретных примерах из их произведений. В статье анализируются имена некоторых персонажей «Шинели», «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода» Н. В. Гоголя, «Бедных людей», «Хозяйки» и «Идиота» Ф. М. Достоевского, «Соборян» и рассказов о праведниках Н. С. Лескова. Отмечен также уникальный для художественного мира И. С. Тургенева случай обращения к житийному материалу в романе «Отцы и дети». Для анализа были отобраны сложные случаи, когда при выборе имен персонажа писатель использовал не только житийные тексты, но и материалы религиозного и светского фольклора, учитывал значение, звучание, «народную этимологию» имени и так далее. Упомянуты в статье и некоторые наблюдения по русской литературной ономастике XX века.

Ключевые слова: христианство и литература, русская литература, агиография, жития святых, литературная ономастика, этимология, имена литературных героев

В ряду приемов использования агиографических материалов русскими писателями классического периода было весьма популярным введение житийных аллюзий для характеристики героев светского произведения. В античных риториках похожий прием, состоявший в сопоставлении описываемого персонажа с известной исторической или легендарной личностью, именовался синкристисом.¹ В текстах христианской литературы похожие на синкристис случаи замечены с самых первых ее веков. Создавая жития новых подвижников, агиографы ориентировались на биографии их предшественников, схожих

¹ Фрайдак Д. Литературный прием синкристиса в трех древних славянских текстах // Исследования по древней и новой литературе. М., 1987. С. 224–228. В согласии с мнением этого автора, что античный термин не следует безоговорочно применять к явлениям иных эпох, мы далее используем слово «синкристис» с известной долей условности.

с ними видом духовного подвига или чаще тезоименитых новоявленному святому.

Переходя к практическому применению «синкрисиса» русскими классиками, подчеркнем, что далее речь пойдет лишь о использовании его в литературной ономастике, то есть при подборе имен вымышленных персонажей. По этому вопросу уже накоплен обширный материал. Так, давно замечены и получили известность авторские сопоставления Алеши Карамазова с Алексеем человеком Божиим,² Мары Лебядкиной с Марией Египетской,³ Павла Чичикова с апостолом Павлом.⁴ Во всех этих случаях исследователь имел дело с популярными в православной среде именами, каждое из которых в месяцеслове носят несколько святых. Реже изучались случаи, когда литературный герой волею автора получал имя редкое и необычно звучащее, хотя некоторые из русских классиков явно испытывали к таким именам «влечение, род недуга». Для читателей XIX века, повседневная жизнь которых была организована по церковному календарю, связь персонажа с его святым тезкой была очевидной. Далее будет разобрано несколько показательных примеров из сочинений русских классиков, в которых личное имя персонажа явно соотносится с его характеристикой и поведением. Учитываются при этом и разные связи данного имени. Например, помимо канонической агиографии, привлекались фольклорные материалы или обыгрывались значение, звучание, «народная этимология» имени и так далее.

Виртуозом литературной ономастики в русской словесности XIX века был Н. В. Гоголь. Яркий пример сложной ономастической игры в его творчестве — имя главного героя «Шинели», Акакия Акакьевича Башмачкина. Необычен в повести уже сам выбор его.⁵ Родился герой Гоголя «против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта», и его матери при крещении ребенка было предложено по святцам на выбор три имени, ей, впрочем, не понравившиеся: Мокий, Соссий и Хоздазат. Не лучше оказались и другие предложения: Трифиллий, Дула, Варахасий, Павсикакий и Вахтисий. «Видно, его такая судьба», — вздохнула госпожа Башмачкина, решив назвать сына именем его отца, к тому времени, кажется, умершего, поскольку

² Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». М., 1977. С. 168–192.

³ Смирнов И. П. Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 212–217.

⁴ Гольденберг А. Х. «Житие» Павла Чичикова и агиографическая традиция // Проблема традиций и новаторства в русской литературе XIX — начала XX в. Горький, 1981. С. 111–118.

⁵ Цит. по изд.: Гоголь Н. В. Шинель: Повести. Л., 1976. С. 278.

упомянут он ею в прошедшем времени.⁶ Все познается в сравнении, и имя Акакий на фоне списка имен-монстров уже не кажется читателю странным и «взысканным», а его «возведенное в квадрат» повторением имени отца придает ему значение привычной родовой судьбы.

Для достижения этого эффекта Гоголь прибегнул к одной из своих календарных мистификаций.⁷ Ведь специально отобранные им из святцев редкие и неблагозвучные имена стоят там не вместе и не очень близко от дня рождения младенца (так, именины Мокия, Соссия и Хоздазата (Хусдазата)⁸ отмечаются 11 и 4 мая и 17 апреля). Святые же с именем Акакий упомянуты в календаре более десяти раз (в том числе 17 апреля, в один день с мучеником Хоздазатом). Популярность этого имени, возможно, вызвана его благочестивой этимологией (греч. ‘не делающий зла, незлобивый, невинный’). Этимология имени явно соответствует характеру персонажа, а звучание его, одновременно смешное, не вполне приличное и «детское», дополняет читательское восприятие героя новыми оттенками.

Наконец, жизнь и смерть героя «Шинели» сложно соотносятся с житием одного из его святых тезок, преподобного Акакия Синайского (день памяти 29 ноября), рассказ о котором есть в «Лествице». На протяжении большей части повести Акакий Башмачкин подражает поведению своего святого тезки, безропотно сносившего немилостивое отношение к себе наставника (как и гоголевское «значительное лицо», этот наставник после смерти обиженного им Акакия испытывал угрызения совести и раскаялся). Но финал «Шинели» (бунт «маленького человека» в предсмертном бреду и его порожденное мольбой загробное и nobis mortuus in obliquo призрака-мстителя) явно противопоставлен своему духовному источнику. Ведь Акакий Синайский и за порогом земного существования продолжал являться на зов монастырского начальства и служить ему. Разные оттенки восприятия имени этого персонажа не раз привлекали внимание исследователей. Нам же особенно интересна именно множественность мотивации данного ономастического выбора Гоголя. Весомость этого выбора

⁶ То, что сама она в этом отрывке дважды названа «покойницей» и «старухой», возможно намекает на скорое сиротство юного Акакия.

⁷ Другая авторская мистификация этого рода приурочивает приезд Хлестакова в городок Н ко дню несуществующего святого Василия Египтянина. Возможные объяснения этому см.: Рубин Ю. Когда приехал ревизор? Каламбур Николая Гоголя // Страницы: Журнал библейско-богословского института ап. Андрея. 2001. № 62. С. 283–290; Максимеева Н. В. Смысловая функция упоминания имени «святого» в «Ревизоре» Н. В. Гоголя // VIII Сильвестровские педагогические чтения. Духовность и нравственность в образовательном процессе: Осмысление свободы и ответственности молодежи. Тара, 5 апреля 2019 г. СПб., 2019. С. 144–147.

⁸ Упомянут в списке погибших вместе с Симеоном, епископом Персидским. Здесь и далее дни памяти святых указаны по юлианскому календарю (по старому стилю).

подчеркнута еще и тем, что Акакий Башмачкин (за исключением портного Петровича, к которому мы еще вернемся) — единственное из основных действующих лиц «Шинели», названое по имени.⁹

Но раннему творчеству Гоголя такое экономное использование ономастических средств было не свойственно. Напротив, шумный и пестрый мир двух его первых сборников перенаселен персонажами, почти каждый из которых, независимо от степени его участия в действии, наделен личным именем (например, «старый Каленик») или родовым прозвищем («атаман Вырвихвист»), а зачастую и тем и другим сразу. Типичный пример тому — Степан Иванович Курочки, известный читателям «Вечеров...» лишь как рассказчик оборванной на полуслове истории Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки Василисы Кашпоровны Цупчевской. Большинство фамильных прозвищ здесь откровенно комичны, что стало даже своеобразным «фирменным знаком» Гоголя. Но и пожилой казак Свербигуз, и оба солидных миргородских обывателя, Иван Перерепенко и Иван Довгочхун, и юный Грицко Голопупенко гордо несут по жизни свои смешные клички — знак их принадлежности почтенным казачьим родам. Более того, молодой Гоголь не раз показывает трагедии положения персонажей, подобного знака не имеющих.

Таков, например, главный герой повести «Вий» — «философ», то есть бурсак предпоследнего, философского класса Хома Брут. Имя его с течением времени слегка утратило свою необычность, но первым читателям «Вия» оно, как и прозвания двух других бурсаков — «ректор Тиберий Горобець и богослов Халява», — казалось оксюмороном — комическим смешением латыни с малороссийской «мовой». К тому же, в отличие от товарищей, при знакомстве гордо произносящих свои фамильные прозвища,¹⁰ у сироты Хомы есть только семинарская кличка, о которой скажем чуть позже. Правда, он в утешение может, в отличие от Горобца и Халявы, крестильных имен которых мы не знаем, похвальстися собственным небесным заступником, апостолом Фомой, хотя и с несколько «сомнительной» репутацией. Во всяком случае, имя этого бурсака явно заслуживает дополнительного рассмотрения.

⁹ Лишь на периферии повести ненадолго возникает несколько персонажей, названных по именам, имеющим локальную смысловую нагрузку. Так, некрасивость крестильных имен, предложенных матери героя, усиlena контрастом с привычными и простыми именами ее кумовьев — Ивана Ивановича и Арины Сергеевны. Приятельница же «значительного лица» названа таким типично немецким именем Каролина Ивановна, что ее, право, и описывать не надо.

¹⁰ Внимательному читателю «Вечеров...» даже вспомнится возможный предок одного из них — славный есаул и побратим пана Данилы из «Страшной мести».

Хотя о жизни апостола Фомы, одного из двенадцати ближайших учеников Иисуса (день памяти 6 октября), известно немного, имя его стало нарицательным («Фома неверующий» или «Фома неверный»), обозначая недоверчивого человека. Ведь, согласно двадцатой главе Евангелия от Иоанна, этот апостол отказался поверить в Воскресение Учителя, пока сам не убедился в наличии у Него ран. Намек на двойную натуру Фомы некоторые комментаторы видят и в самом его имени (*др.-евр. תומא 'близнец'*). Неоднозначную память оставил о себе и римский «тезка» бурсака — Марк Юний Брут (85–42 г. до н. э.). Организатор и участник убийства доверявшего заговорщикам Юлия Цезаря, он надеялся этим пробудить в римлянах идеалы свободы, но поддержки у масс не нашел и, проиграв вызванную им гражданскую войну, покончил с собой. Его друг Цицерон в своих речах превозносил Брута за подчинение личных чувств общественным интересам. Данте, напротив, считал его и другого заговорщика Кассия, вкупе с Иудой Искариотом, величайшими злодеями человечества, осудив всех трех на вечные муки в ледяном сердце преисподней («Божественная комедия», «Ад», песнь 34). Значение семинарской клички злосчастного Хомы располагается где-то между этими крайностями и тоже двоится, намекая не то на его бунтарский нрав (отсюда его немалый опыт по части телесных наказаний в бурсе), не то на грубость манер этого безродного сироты (*лат. brutus 'грубый'*). Таким образом, ключ к пониманию его имени-оксюморона — идея двойственности.

«Раздвоенность» личности и стала одной из причин гибели Хомы Брута. Будущий священнослужитель, он менее всего занят мыслями о Небесном, а устремлен к земным радостям. Его и ведьма выбрала для своих утех как явного сластолюбца. Самая вера в Бога подменена в его сознании обрядоверием, основанном на убеждении, что Зло можно победить механическим выполнением набора заученных действий. Мешает решительности действий этого персонажа и зыбкость его самосознания. Ведь кто он — герой-победитель ведьмы или невольный убийца прелестной панночки, краса которой навсегда пронзила его женолюбивое сердце, — Хома так и не понял. Не помогла ему и надежда на свое родство с бесстрашными казаками, и не только из-за его сиротства, но и потому, что пошатнулось само могучее древо казачества, ибо ослабли оба державших его мощных корня — народная религиозность и товарищество «по душе, а не по крови». Это можно видеть на примере населенного казаками хутора сотника, где церковь стоит в запустении, и в ней давно не служат, а хуторяне жестоко равнодушны к судьбе казацкого сироты, с которым они так лихо пили и гуляли три последних дня его жизни. Неизбежен и трагизм развязки: смерть убитого своим же страхом Хомы и окончательно

тельная утрата оскверненного нечистью храма, откуда пришедший, наконец, священник в ужасе бежал, забыв об отпевании и похоронах бедного бурсака.

Лишен христианского упокоения и другой «не имеющий корней» герой раннего Гоголя — детоубийца Петрусь Безродный («Вечер на кануне Ивана Купала»). Впрочем, в этом случае положение персонажа усугубило и данное ему автором имя. Ибо давно замечено, что в мире Гоголя большинство персонажей с именем Петр или производными от него несут на себе печать чертовщины. Показательны в этом качестве не только «Иуда-Петро» — предатель и убийца побратима из «Страшной мести» или «демон чревоугодия» Петр Петрович Петух во втором томе «Мертвых душ», но и два милейших городских помешника Бобчинский и Добчинской, оба Петры Ивановичи, ведь и их «черт попутал» заподозрить в Хлестакове ревизора. Даже угрюмый пьяница портной Петрович, бывший в родном селе просто Григорием и сменивший прозвание лишь в туманах Петербурга, из добрых, вроде бы, побуждений предлагая Акакию Башмачкину свои услуги по пошиву новой шинели, сделал это как-то вдруг, «точно его черт подтолкнул», что превратило этот благой поступок в начало цепочки событий, ставших гоголевского чиновника. Странная, на первый взгляд, связь имени Петр с врагом человеческого рода на деле имеет евангельские корни, восходя к словам Иисуса «Отойди от Меня, Сатана, ты Мне соблазн», сказанным Им апостолу Петру в ответ на его попытку отговорить Учителя от посещения Иерусалима в Страстную неделю (Мф. 16:23). Вырванная из общего контекста, эта цитата породила демонический образ Петра-Сатаны, ушедший в восточнославянский религиозный фольклор и, в частности, в украинские дуалистические легенды о сотворении мира, откуда его, скорее всего, и позаимствовал Гоголь. Заметим, что демонические коннотации имени Петр исследователи нашли также в произведениях Ф. М. Достоевского (Петр Петрович Лужин, Петруша Верховенский) и Андрея Белого (Петр Дарьальский в «Серебряном голубе»). Эти наблюдения позволяют нам перейти от поистине неисчерпаемой темы «Литературная ономастика Гоголя» к аналогичным опытам других русских классиков.

По известному утверждению Ф. М. Достоевского, все русские писатели (и он сам, в том числе) «вышли из “Шинели” Гоголя». Емкое и многогранное, это утверждение применимо и к теме данной статьи — наблюдениям по литературной ономастике русской словесности XIX века. В доказательство сошлемся на, кажется, уникальный случай «синкрисиса» в творчестве И. С. Тургенева — писателя, на Гоголя непохожего. В 15 главе его романа «Отцы и дети» (1862) читатель не

без удивления узнает из уст нигилиста Базарова дату его именин — 22 июня, и деталь эта неслучайна. Церковный календарь показывает, что герой Тургенева был крещен в честь священномученика Евсевия, епископа Самосатского (IV в.), известного борьбой с арианской ересью и стойкостью в период гонений на христиан императора Юлиана-Отступника. Помимо сквозной темы мужества святого при отстаивании им своих убеждений, которое на пороге смерти проявит и тургеневский нигилист, в пространном Житии св. Евсевия есть еще одна отздавшаяся в романе деталь — обстоятельства смерти заглавного героя. Ибо стойкий в испытаниях самосатский епископ был погублен женщиной: некая арианка бросила ему в голову с крепостной стены горшок, и полученная рана стала причиной его смертельной болезни. Говорил же Аркадию о дне своих именин Базаров по дороге в имение Анны Сергеевны Одинцовой, но жития своего «ангела» не помнил, иначе вряд ли стал бы о нем шутить.

Переходя к литературной ономастике Ф. М. Достоевского, отмечим, что молодой писатель быстро миновал стадию ученического подражания Гоголю. Более всего влияние ономастических приемов автора «Шинели» заметно в именах персонажей «петербургской поэмы» «Двойник» (1846). Здесь мы найдем и отсутствующее в святыцах странное имя Олсуфий, данное начальнику Голядкина, и типично немецкие «имена-эмблемы» доктора Крестьяна Ивановича Рутеншпица¹¹ и некой Каролины Ивановны, оставленной, как и в «Шинели», «за кадром». В целом же имена героев Достоевского, особенно в ранний период творчества, когда молодой автор имел возможность тщательно отделять каждую деталь, при явном отсутствии вычурности, присущей ономастике Гоголя, оригинальны и содержательны. Приведем два примера из его ранних сочинений.

Имя Макара Алексеевича Девушкина, главного героя романа в письмах «Бедные люди» Достоевского (1846), как и имя Акакия Акакиевича Башмачкина, обычно звучит при упоминании «маленьких людей» русской литературы, галерею которых начал А. С. Пушкин «Станционным смотрителем». Но восприятие таких персонажей с течением времени менялось, что показал Достоевский, заставив своего героя прочитать повести Пушкина и Гоголя. Благодарно растроганный историей Самсона Вырина, Макар Девушкин «Шинель» активно не принял и даже был уязвлен в лучших своих чувствах, подозревая в отношении Гоголя к Башмачкину снисходительную насмешку. Сам же Макар Алексеевич, как и всякий человек в понимании Достоевского «есть тайна» и целый неповторимый мир. Сложность этого мира отразило имя персонажа, казалось бы, неброское и в посвященном

¹¹ Ср. с именем Христиана Ивановича Гибнера, уездного лекаря в «Ревизоре».

ему тексте оставленное без комментариев, но при внимательном рассмотрении оригинальное и содержательное. Как мы помним, основная нагрузка в прозвании героя «Шинели» приходится на его личное имя. Фамилия же его, о которой сказано только, что она «когда-то произошла от башмака», хотя Башмачкины-мужчины круглый год ходили в сапогах, лишь говорит о его потомственной заурядности. Напротив, фамилия Девушкин выразительна и многозначна, намекает и на семейное неблагополучие ее носителя (его возможную незаконнорожденность и перспективу безбрачия), и на некоторую «женственность» его натуры. Что касается его личного имени, то греческое «Макариос» («блаженный, счастливый»), некогда бывшее эпитетом Зевса, при включении в святыи слегка изменило значение. Вероятно, первый из его святых носителей, преподобный Макарий Египетский, (IV в., день памяти 19 января), согласно его Житию, был назван так из-за предсказания, что ему будет открыта тайна блаженства на земле. Предсказание сбылось, ибо, пройдя соблазны мирской жизни и искус послушания у св. Антония Великого, Макарий выработал основные принципы монашеского общежития, посвятив этому немало поучений. Житийный образ его овеян благодатной любовью к людям. В русских пословицах и поговорках Макар, напротив, представляется вечным неудачником, на которого «все шишки валятся».

На первый взгляд, невысокий чином, немолодой и невзрачный герой Достоевского вполне соответствует народной репутации своего имени. Но, привыкнув к стилю его писем и вчитываясь в них, начинаешь понимать, что этот маленький человек в жалком его быту порой близок к достижению блаженной жизни, тайну которой некогда постиг его святой тезка. Ибо Макар Алексеевич вполне доволен своей Богом предопределенной участью и скромную свою работу искренне любит. Возможность же открыть душу близкому существу и поделиться с ним всем, что имеешь, и вовсе наполняет его восторгом. Другая одинокая и беззащитная душа уже готова устремиться ему навстречу, но создание рая на две души в петербургском дворе-колодце остается несбыточной мечтой. И дело не только в их бедности и даже не в безответности любви пожилого Макара к юной Вареньке (одинаковое отчество обоих намекает на возможность построения их отношений на братской основе). Точно бабочки, их души тщетно бьются о стекло взаимного непонимания, воспаленной гордости неимущих и возникающего отсюда отчуждения. Делясь с Варей последним, Макар одновременно был так унижен полученными от нее тридцатью копейками серебром, подозрительно похожими на пресловутые «30 сребреников», что от стыда запил. Она же, не понимая своего места в его жизни и не желая быть вечной обузой, точно в омут

бросившись, согласилась на брак-сделку без любви, разлучающий их навсегда.

Другой пример ономастической игры раннего Достоевского — простое, вроде бы, имя Илья Мурин одного из героев повести «Хозяйка» (1847). Образ этого загадочного старика соединяет в себе черты колдуна-чернокнижника, волжского разбойника в духе Стеньки Разина и кающегося грешника в начале его покаянного пути, и все три эти лика отражены в имени героя. Несложная, на первый взгляд, фамилия Мурин содержит в себе не только имя некой Муры (уменьш. от Мария), вдовы или незамужней женщины, но и намек на возможного предка-эфиопа, прозвище смуглого человека и даже кличку-сравнение с бесом, еще одним безобразным и темнокожим существом. В православной агиографии прозвище Мурин носил «святой разбойник» преподобный Моисей (28 августа), поскольку злодеяния этого эфиопа были темнее его кожи. Но и он милостью Бога раскаялся и стал монахом, победив со временем мучившую его жажду плотских удовольствий, отчего ему советуют молиться страдающим от пьянства и «блудного беса». (Напомним, что герой «Хозяйки» состоял в блудной связи с Катериной, своей возможной дочерью.)

В то же время имя Илья, данное автором этому волжскому разбойнику, в соединении с его фамилией резко меняет направление возникающих ассоциаций, напоминая об Илье Муромце — главном герое русского богатырского эпоса, воплощающем таинственную «нутряную» силу создавшего его народа. Но и он, согласно Преданию, окончил жизнь в Киево-Печерском монастыре, где его традиционно отождествляли с почившим в Ближних пещерах святым XII века преподобным Ильей Печерским Муромцем (19 декабря). В повести же внезапное исчезновение Ильи Мурина и Катерины оставляет финал тревожно открытым, вызывая мысли о пугающей широте и непредсказуемости русской души. Впрочем, современники эту странную повесть Достоевского не поняли и скоро забыли.

К сожалению, в текстах «Великого Пятикнижия» Достоевского такие ономастические опыты встречаются нечасто. Тем интереснее для нас редкие исключения, обычно связанные с героями второго плана. Кажется, что в своих новых романах автор утратил интерес к подобным опытам, увлеченный полифонией и борьбой идей. Не способствовала проработке имен второстепенных персонажей и вынужденная спешка при создании некоторых из них. Так, давно замечено, что в «Преступлении и наказании» одна из младших детей Мармеладовых по ходу действия из «Лидочки» превратилась в «Ленечку», возможно, сменив попутно и пол.

Приведем два не слишком заметных при чтении ономастических наблюдения из романа «Идиот» (1868). Так, при ближайшем рассмотрении личного имени Лукиан, данного автором такому неоднозначному герою как Лукьян Тимофеевич Лебедев, в нем обнаруживаются одновременно идея прозрения и намек на лукавство носителя имени, а также память о тезоименитых ему семи святых мучениках и одном античном критике христианства. В редком же имени Ардалион, которое носит опустившийся генерал Иволгин, пьяница и патологический врун, на наш взгляд, важна не только его этимология (*греч.* ‘сосуд для окропления’¹² или *лат.* ‘суетливый человек, хлопотун, праздношатающийся’¹³). Внимания заслуживает и то, что единственный его святой тезка, мученик Ардалион Мимский (14 апреля) был «заигравшимся лицедеем»: изображая на потеху язычникам христианина, он так вжился в роль, что действительно уверовал и был за это казнен. Судьба генерала Иволгина, заблудившегося в мире своих фантазий и одновременно невольно ставшего в этих фантазиях рупором христианских истин,¹⁴ явно созвучна Житию св. Ардалиона. Отметим и то, что в романе Достоевского «Подросток» (1875) появится еще один тезка преподобного Макария Египетского — странник Макар Долгорукий, на этот раз, кажется, достигший блаженства, почти растворив свое «я» в каждодневном христианском служении ближнему.

Следует сказать немного и об именах некоторых героев Н. С. Лескова, писателя трудной судьбы. Непонятый современниками и ранней критикой, этот прозаик в своем творчестве постоянно не совпадал с магистральными идеями современной ему словесности. Заслуженное место классика в истории русской литературы этот оригинальный автор получил лишь к концу минувшего столетия, сначала как «чародей языка», а после как глубокий, зоркий и трезвый знаток парадоксов русской души. Это можно видеть на примере одного из центральных героев его романа-хроники «Соборяне» (1872) — трогательного и смешного богатыря в рясе: дьякона Ахиллы Десницына.

Первое же упоминание о нем удивляет читателя дерзким сочетанием языческого имени героя и его скромной церковной должности. «Гомеровское начало» в образе этого «старгородского Ахиллеса» Лесков многократно обыгрывает. Ведь его герой эпически могуч, от-

¹² Мановцев А. Свет и соблазн // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М., 2001. С. 265.

¹³ Касаткина Т. А. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Дополнения к комментариям // Достоевский: Дополнения к комментарию. М., 2005. С. 514.

¹⁴ См.: Meerzon O. Христос или «Князь-Христос»: Свидетельство генерала Иволгина // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М., 2001. С. 42–59.

важен, гневлив и великодушен, имеет свою «слабую пяту» (он живет «без царя в голове») и подходящее прозвище «уязвленный». Убьет же этого силача и здоровяка банальная простуда, благополучно миновавшая спасенного им из реки человека. Странное его прозвание автор «Соборян» отнюдь не выдумал, а взял из жизни, так как в 1843 г. в собор киевских святых был включен преподобный Ахилла Печерский диакон (дни памяти 4 января и 28 августа). Сведения об этом иноке XIV века, почившем в Дальних пещерах, крайне скучны: известно лишь, что он был аскет и постник, научившийся к концу жизни обходиться одной просфорой в неделю,¹⁵ отчего он считается заступником чревоугодников. В конце своей хроники (часть 5, глава 11) Лесков обыграл и аскетический подвиг пещерского инока, сделав его основой одного из последних трагикомических анекдотов в жизни дьякона. В указанном эпизоде Ахилла, забывая о сне и еде, спешно приносит в уездный город собранные обществом деньги на памятник отцу Савелию. Лишь у дверей кабинета местного предводителя дворянства дьякон решил, наконец, подкрепиться лежавшими в его кармане лепешками недельной давности и вдруг с ужасом увидел, что заодно объел и приставшие к исподу лепешек сторублевки. Но добрый предводитель утешил дьякона, вложив свои деньги и пообещав ему обменять в банке испорченные купюры, на деле оставленные им как раритет на память.

Ономастика «Соборян» заслуживает не только отдельного разговора, но и дополнительных разысканий. Здесь же ограничимся несколькими наблюдениями о житийных аллюзиях личных имен других обитателей «старгородской поповки» — протопопа Савелия Туберозова, священника Захария Бенефактова и протопопицы Натальи. Именины Савелия (Савела) отмечаются раз в году 17 июня в день памяти трех братьев-христиан Мануила, Савела и Исмаила Персидских, замученных за отказ отречься от Христа императором Юлианом-Отступником. Контуры этой житийной схемы различимы и в «Соборянах», где три Божьих воина, братья во Христе, ведут неравную борьбу за веру не с дикими язычниками, а с бывшими единоверцами, которых соблазнили идеи нигилизма и атеизма. Но сам отец Савелий назвал в дневнике другую дату своих именин, 1 июня — день памяти двух мучеников Иустинов, безмездного врача Агапита Печерского и чудотворца Дионисия Глушицкого, смысл этой календарной мистификации нам пока не ясен. Кончина чадолюбивого отца Захарии, «богатыря кротости», умершего в первый день Пасхи, напоминает нам рассказ Предания о смерти его святого тезки — пророка Захарии, отца Иоанна Крестителя, убитого после Рождества Христова

¹⁵ Русские святые / Жития собрала монахиня Таисия. СПб., 2001. С. 474.

солдатами Ирода за отказ выдать жену и ребенка. Наконец, на судьбу жены протопопа Туберозова проецируется парное Житие мучеников Адриана и Натальи (26 августа), героиня которого, скромная бездетная женщина, духовно поддерживает страстотерпца-мужа и тихо уходит в Жизнь Вечную вместе с ним. На связь романа с Житием указывает эпизод вешнего сна о прославлении мучеников за веру, который обе Натальи видят перед смертью.

Тонкую ономастическую игру с именем заглавного героя ведет Лесков в «Павлине» (1874) — одном из его рассказов о праведниках.¹⁶ Смысл редкого имени Павлин, происшедшего от латинского *paulus* ‘малый’, этой этимологией в рассказе не исчерпывается, играя и переливаясь в его тексте разными значениями и балансируя при этом между двумя семантическими полюсами. Один из них образует «народная этимология» имени, возводящая его к омонимичному названию экзотической птицы. Обыгрывая в тексте повадки реального павлина и сложную символику его мифopoэтического образа, Лесков сумел с помощью этого подчеркнуть необычность характера своего героя и намекнуть на ожидавшее его духовное «падение и восстание». Другой семантический полюс имени связан с образом тезки героя рассказа, святителя Павлина Милостивого, епископа Ноланского (23 января). По ходу действия персонаж Лескова вынужден сменить имя, став Спиридоном в честь славного Тримифунтского епископа (12 декабря), но это его поведения существенно не меняет, поскольку оба его «ангела» похожи, как близнецы. Оба они прославлены своим деятельным человеколюбием, доходящим до самоотречения, и успехами в наставлении грешников, что проявляется в поддержке и укреплении героя Лескова в главном его деле — спасении гибнущей души его неверной жены. Ее духовное преображение, происходящее «за кадром», лаконично показано через сопоставление двух прозрачных по смыслу имен этой женщины: в миру суэтная эгоистка Любовь окончила свои дни человеколюбивой монахиней Людмилой.

В других рассказах о праведниках, судьбы которых не столь катастрофичны, как у героя «Павлина», имя заглавного персонажа особой смысловой нагрузки не получает, оставаясь нейтральным («Однодум»), сокращаясь до инициала («Пигмей») или заменяясь прозвищем («Несмертельный Голован»). Одним своим прозвищем остался в народной памяти и самый известный герой Лескова — Левша, став в «новой мифологии» отечественной культуры¹⁷ трагическим сим-

¹⁶ Подробно об этом см.: Климова М. Н. От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: Жития «грешных святых» в русской литературе. М., 2010. С. 63–68.

¹⁷ См.: Журавлева А. И. Новое мифотворчество и литературоцентристская эпоха русской культуры // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2001. № 6. С. 35–43.

волов одного из вариантов судьбы русского таланта, нередко гибнущего втуне или растрченного на пустяки. При этом прозвище его, утратив под пером Лескова свою архаичную негативную маркировку, стало синонимом искусного умельца-самородка.

В русской литературе «бездожного» XX века житийные аллюзии в именах персонажей надолго исчезают, уступив свою функцию «мифологическим» образам отечественной культуры. Проиллюстрируем эту мысль двумя разновременными примерами. Так, в романе Ф. К. Сологуба «Мелкий бес» (1905) главный герой, провинциальный учитель Передонов, как и генерал Иволгин, назван Ардалионом, но в его мрачном образе нет и намека на житийного тезку-лицедея. Зато введение в роман сожительницы Передонова Варвары, выдаваемой им за сестру, и описание их патологических взаимоотношений с плевками в лицо партнера и тайными брачными интригами напоминают скандалы в семействе Иволгиных из романа «Идиот». Второй пример относится к рубежу тысячелетий, совпавшему с периодом «религиозного ренессанса» и возвращением общественного интереса к православной культуре. Читатель постмодернистских квазисторических романов Б. Акунина, начавших выходить как раз в эту пору, может заметить любовь их автора к ономастическим играм и необычным именам, а некоторые из его героев при случае показывают знание биографии своего «ангела». Но самый известный его персонаж, Эраст Петрович Фандорин, своим редким именем обязан не столько святым, сколько черному юмору своего отца. Потеряв при рождении сына жену Елизавету, тот назвал младенца именем карамзинского повесы и погубителя «бедной Лизы»,¹⁸ предопределив этим нередкий драматизм его отношения с прекрасным полом. Следует, впрочем, отметить и робкое появление в произведениях последних десятилетий советской литературы некоторых «ориентированных на жития» персонажей: «бедоносца» Егора Полушкина («Не стреляйте в белых лебедей» Б. Васильева, 1973), «великомученицы» Евдокии Дунаевой («Дом» Ф. Абрамова, 1978), «крылатой Серафимы» из одноименной повести В. Личтутина (1981) и некоторых других. Не исключены, на наш взгляд, и случаи плодотворного обращения к ономастическому опыту великих предшественников и современных авторов.

Список литературы

Акунин Б. Нефритовые четки: Приключения Эраста Фандорина в XIX веке. М., 2007. 704 с.

¹⁸ См.: Акунин Б. Нефритовые четки: Приключения Эраста Фандорина в XIX веке. М., 2007. С. 453–454.

- Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». М., 1977. 197 [2] с.
- Гоголь Н. В. Шинель: Повести. Л., 1976. 320 с.
- Гольденберг А. Х. «Житие» Павла Чичикова и агиографическая традиция // Проблема традиций и новаторства в русской литературе XIX – начала XX в. Горький, 1981. С. 111–118.
- Журавлева А. И. Новое мифотворчество и литературоцентристская эпоха русской культуры // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2001. № 6. С. 35–43.
- Касаткина Т. А. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Дополнения к комментариям // Достоевский: Дополнения к комментарию. М., 2005. С. 509–526.
- Климова М. Н. От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: Жития «грешных святых» в русской литературе. М., 2010. 135 с.
- Макшеева Н. В. Смысловая функция упоминания имени «святого» в «Ревизоре» Н. В. Гоголя // VIII Сильвестровские педагогические чтения. Духовность и нравственность в образовательном процессе: Осмысление свободы и ответственности молодежи. Тара, 5 апреля 2019 г. СПб., 2019. С.144–147.
- Мановцев А. Свет и соблазн // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М., 2001. С. 250–290.
- Меерсон О. Христос или «Князь-Христос»: Свидетельство генерала Иволгина // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М., 2001. С. 42–59.
- Рубин Ю. Когда приехал ревизор? Каламбур Николая Гоголя // Страницы: Журнал библейско-богословского института ап. Андрея. 2001. № 6:2. С. 283–290.
- Русские святые / Жития собрала монахиня Таисия. СПб., 2001. 752 с.
- Смирнов И. П. Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 212–217.
- Фрайданк Д. Литературный прием синкrisиса в трех древних славянских текстах // Исследования по древней и новой литературе. М., 1987. С. 224–228.